

Новая "большая игра"?

Согласно широко распространенному мнению, современные политические и военно-дипломатические маневры вокруг Центральной Азии представляют собой новое издание «большой игры», сродни той, что вели в Средней Азии во второй половине XIX - начале XX вв. Британская и Российская империи. В Центральной Азии одним из первых метафору "большой игры" для анализа политики в регионе внешних сил возродил У. Касенов¹.

Такая условная параллель полезна, но только в том случае, если согласиться с тем, что сценарий первой "большой игры" был много сложнее и богаче, чем простое противостояние двух империй, стремившихся утвердить свой контроль над колонизируемыми территориями. Сущность «большой игры» невозможно адекватно оценить вне глобального политического контекста. Только учет глобального, а не регионального расклада сил и интересов позволяет уяснить смысл поведения отдельных участвующих в игре основных игроков, а также понять, какие цели они преследуют.

15.1. Новая "большая игра" по старому сценарию?

Для начала полезно вернуться к сценарию и содержанию "большой игры" XVIII-XIX вв., которые при ближайшем рассмотрении таят в себе немало аллюзий и даже прямых аналогий с современностью. Появление русской миссии в Хиве в 1819 г. и британской в Бухаре в 1820г. стало отправной точкой соперничества двух империй в Средней Азии. В результате серии военных кампаний в 1864-1881 гг. в состав Российской империи были включены Бухарский эмират, а также Хивинское и Кокандское ханства. Завершилось соперничество империй в 1907 г. подписанием двустороннего соглашения, зафиксировавшего границы и сферы влияния России и Великобритании. Буферной зоной между ними стала территория Афганистана.

Что влекло Российскую империю в Среднюю Азию? Внешняя политика России полностью вписывалась в исторический контекст и мало чем отличалась от колониальной политики европейских держав. Постоянное стремление к территориальной экспансии объясняется и особенностями военно-государственного устройства имперской России. Для большой, формируемой по разверсточному принципу, армии постоянно требовалась сфера приложения усилий.

По идее, территориальная экспансия должна была также способствовать ослаблению нарастающего демографического давления. Население России в то время росло высокими темпами, но в силу архаичного социально-экономического устройства страны не находило производительного применения, что подтачивало внутреннюю стабильность. Со второй половины XIX в. напряжение в центральных губерниях власти стали разряжать через поощрение миграции населения на окраины, включая Сибирь и Среднюю Азию.

Стояли ли за военными бросками в среднюю Азию серьезные экономические интересы? В 1900 г. Франц фон Шварц, работавший в русской астрономии Ташкента в 1875-1890 гг., в своей книге воспоминаний об этом периоде констатировал: "Экономически у Туркестана нет будущего"². С этим мнением трудно не согласиться, так как каких-либо внутренних потенциалов для заметного ускорения экономического развития в регионе не просматривалось.

Экономически регион был интересен для России лишь в качестве поставщика хлопкового сырья для бурно растущей в центральных губерниях текстильной промышленности и, хотя и в несравнимо меньшей степени, как рынок сбыта промышленных товаров. Действительно, после завоевания Средней Азии экспорт хлопка в Россию существенно увеличился³, а продукция российской промышленности в массовом порядке стала поступать на местные рынки⁴. Однако этих хозяйственных целей с намного меньшими жертвами можно было бы добиться другими способами.

Истинные мотивы российской экспансии в Средней Азии невозможно понять вне контекста геополитической игры того времени. После сокрушительного поражения в Крымской войне военно-феодальная верхушка царской России была временно отстранена от активного участия в международных делах и вынужденно занялась внутренними реформами. В советской и официальной дореволюционной историо-

рафии суть российской политики изоляционизма этого периода определяется знаменитой фразой канцлера Горчакова: "Россия сосредотачивается". Экспансия в Среднюю Азию стала своеобразной психологической компенсацией за поражение на европейском направлении.

Менее известно, что активизация российской азиатской политики была органично встроена в глобальный геополитический проект, в котором России была отведена строго определенная вспомогательная роль. Ключи от этого проекта находились в руках Германии. Германский канцлер Бисмарк всеми средствами поддерживал российскую военную экспансию в Азию. Стремясь максимально выдавить, а в идеале полностью удалить Россию из Европы, которая рассматривалась в качестве зоны исключительно германских интересов, Бисмарк способствовал переключению вектора российских внешнеполитических усилий на южное и восточное направление.

В 1864 г., разъясняя смысл российских военных кампаний в Средней Азии, Горчаков обратился к европейским державам со специальным посланием. В нем он утверждал, что, устанавливая над «дикими и непокорными татарами», как в то время было принято называть конгломерат народов, населявших Казахстан и Среднюю Азию, к югу от своих рубежей, Россия тем самым защищает европейскую цивилизацию⁵. Разворот России в Азию полностью соответствовал германским интересам.

Словно подыгрывая российской верхушке, Бисмарк заявил, что в Азии Россия играет великую цивилизующую роль⁶. Поощряя переориентацию российских военных и экономических усилий в азиатском направлении, Германия не только ослабляла российское давление на европейском направлении, но также попутно сталкивала Россию с Англией, так как последняя в тот период активно осваивала Азиатский континент.

Позднее бисмарковской стратегической линии придерживался германский император Вильгельм II, в конце XIX-начале XX вв. Как отмечал в своих воспоминаниях лидер кадетов и министр иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюков, в рамках своей *Weltpolitik* Вильгельм стремился устранить Россию с европейской арены, прежде всего Балкан, а также обеспечить российскую поддержку Германии в ее борьбе за колонии с Англией и Францией. В качестве "приза" России отводилась активная роль в Азии⁷. Как и несколькими

десятилетиями ранее, Центральная Азия была лишь второстепенным элементом в германской геополитической игре, цель которой заключалась в удалении России из Европы.

Установив военный контроль над обширным среднеазиатским регионом, а ранее Казахстаном, Российская империя зарезервировала за собой их эксклюзивное экономическое освоение. Туркестан был закрыт для иностранных инвестиций, иностранцам также запрещалось приобретать в собственность землю, в том числе в городах⁸.

Итоги почти полувековой экономической экспансии в Туркестан (а, по нашему мнению, их вполне можно распространить и на территорию современного Казахстана) были подведены в специальном правительственном меморандуме 4 апреля 1906 г. "Мемория о реорганизации управления Туркестанского края на общих основаниях с другими местностями империи"⁹. Под давлением событий 1905-1906 гг. российские власти были вынуждены начать ревизию внутренней и внешней политики, включая политику на периферии империи.

Некоторые положения правительственного меморандума по Туркестанскому краю столь очевидно актуальны для сегодняшнего дня, что заслуживают обильного цитирования. "...Со дня завоевания этой области [Туркестанского края] и до настоящего времени здесь неуклонно проводилась та политика, что эксплуатация неистощимых богатств края должна быть всецело предоставлена русскому населению, поэтому всемерно преграждался доступ в край иностранцам и иностранным капиталам. Между тем надежды правительства на русских предпринимателей не оправдались; культурное развитие Туркестана совсем не продвинулось вперед, и государство поэтому не могло извлечь из него даже незначительной доли тех огромных выгод, которые эта богатейшая когда-то житница Средней Азии давала при том уровне культуры, который здесь в свое время был. Не подлежит сомнению, что благосостояние области... зависит от степени применения здесь искусственного орошения почвы,... от разработки ископаемых, от устройства путей сообщения и т. д. Все эти мероприятия... должны потребовать затраты громадных денежных средств, на которые в настоящее время внутри России весьма трудно рассчитывать. Таким образом, в будущем едва ли удастся обойтись без привлечения к культурной работе в Туркестане иностранных капиталов.

...Предположительное изменение общего направления правительственных мероприятий относительно Туркестанского края, по мнению Совета министров, могло бы дать блестящие результаты без всякого при том нарушения интересов коренного русского населения. Эта обширная область... при работе здесь иностранных капиталов и технических сил могла бы быть обращена в страну, способную прокормить многие десятки миллионов людей"¹⁰.

В советский период в основе политики центра в Средней Азии и Казахстане лежали три идеологемы: возможность "большого скачка", то есть переход докапиталистического общества к социализму, минуя капиталистическую стадию развития; "пролетарский интернационализм", то есть помощь со стороны пролетариата страны победившего социализма протосоциалистическим силам в других республиках; "сближение уровней развития" народов, включившихся в социалистическое разделение труда.

Понятно, что для республик, составивших СССР и находившихся на разных ступенях социально-экономического развития, практические последствия реализации этих лозунгов оказались различными. Советская экономическая политика способствовала массовому перераспределению природных, производственных, демографических и квазифинансовых ресурсов от более развитых республик и территорий в пользу менее развитых нерыночными методами. Массовое перераспределение ресурсов способствовало ускорению развития среднеазиатских республик и Казахстана. Другое дело, что этих ресурсов оказалось недостаточно для того, чтобы подтянуть эти республики к среднесоюзным показателям. И в конце 80-х гг. Казахстан и, особенно, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан по экономическим и социальным показателям занимали последние места в союзной таблице о рангах. Но главное - им была навязана тупиковая экономическая модель.

Для Белоруссии же, Украины и, особенно, России регулярное изъятие ресурсов на протяжении длительного периода обернулось замедлением развития и снижением (относительным) благосостояния. К тому же аналогично тому, как непрерывная с XVIII в. территориальная экспансия тормозила перестройку общественного строя в центре Российской империи, экспансия в зону слаборазвитости в советский пе-

риод дополнительно блокировала нормальное развитие более развитых республик.

С распадом СССР на рубеже XX и XXI вв. наблюдается неожиданная реанимация геополитических проектов, многократно доказавших свою историческую несостоятельность и пагубность для России. Современная российская политика в Центральной Азии чем дальше, тем более кристаллизуется как политика исключительно военная. Не имея в регионе серьезных экономических интересов - как в силу драматической внутренней ситуации, так и в силу относительно невысокой экономической привлекательности самой Центральной Азии - Россия все более втягивается в обеспечение военной безопасности центральноазиатских государств.

Между тем оправданным представляется тесное военно-политическое взаимодействие лишь с Казахстаном, на территории которого расположены относительно важные для России объекты, главным образом космодром Байконур, и который имеет определенные шансы выйти на траекторию устойчивого экономического роста на рыночной основе. К тому же по многим ключевым характеристикам Казахстан много ближе России в сравнении с бывшими среднеазиатскими республиками".

Повторимся еще раз, что безопасность России прямо связана с безопасностью Центральной Азии. Однако, как это было обстоятельно показано в гл. 13, главные вызовы региону предполагают не военный, а экономический ответ. Учитывая, что потенциалы такого ответа у современной России отсутствуют, целесообразно было бы, тесно сотрудничая в военно-политической сфере с Казахстаном, где у российского бизнеса имеются четко выраженные интересы, максимально дистанцироваться от остальной Центральной Азии.

Зачаточное понимание новых реалий проглядывается в позиции российского министерства иностранных дел, формально реализующего официальный внешнеполитический курс страны. Как отмечает высокопоставленный сотрудник этого учреждения, ответственный за центральноазиатское направление, "объективная реальность такова, что Россия больше не является безусловно доминирующей силой в регионе и не претендует в этом смысле на роль монополиста"¹².

Однако осознание новых возможностей страны с трудом переходит в область практической политики. Трудно не согласиться с мне-

нием некоторых информированных наблюдателей о том, что в ситуации всеобщего хаоса 90-х гг., порожденного провалом государства как общественного института, выражающего коллективные рациональные интересы, российская политика в Центральной Азии формировалась военными, которые преследовали в том числе и собственные корпоративные и личные интересы¹³.

В результате, как отмечают российские эксперты по проблемам национальной безопасности, близорукая политика в отношении исламского Юга делает все для того, чтобы "...переориентировать на Россию вектор активности его наиболее радикальных течений"¹⁴. "В последние 18 лет Россия вела 3 локальных войны, в две войны (Афганистан и Чечня) была вовлечена непосредственно, в одну - Таджикистан - косвенно. Все три войны велись в мусульманских районах с активным использованием антиисламской риторики"¹⁵.

Во многом такой результат является следствием того, что внешняя политика по-прежнему исходит из старых мифологем и лишена прагматической составляющей. Одной из мифологем являются устойчивые представления о том, что Центральная Азия как часть постсоветского пространства стала объектом особого интереса различных внешних сил, несущих угрозу интересам России. В качестве такой силы обычно выступает ислам. Как справедливо отмечал А. Малашенко: «...Вопреки тому, что публично говорится многими российскими политиками, а также военными. О своем позитивном отношении к исламу, мусульманская религия отождествляется в их сознании с некой, якобы имманентно присущей ей агрессивностью. Ислам вызывает у них ассоциации с призывом к созданию «непонятного» исламского государства, фундаментализмом, а также со священной войной - джихадом. Такой подход вполне созвучен с убеждениями большинства европейских и американских политиков, которые после распада биполярной геополитической системы все чаще ищут потенциального противника в мусульманском мире»¹⁶. «Исламская дуга нестабильности» или «исламский террористический интернационал» являются отзвуками таких настроений.

Другой враждебной России силой на постсоветском Юге представляется Запад, НАТО или США, иногда Китай, пытающиеся утвердиться в этой зоне мира в ущерб российским интересам. Однако ка-

кие-либо серьезные основания полагать, что Центральная Азия входит в число приоритетов ведущих мировых держав, отсутствуют.

15.2. Относится ли Центральная Азия к приоритетам глобальных держав?

Китай, как и Россия, непосредственно граничит с регионом. Вплоть до настоящего времени китайская политика в отношении Центральной Азии реализуется преимущественно в рамках так называемого "шанхайского форума".

Китаю участие в этом форуме позволяет решать, по крайней мере, две сугубо прагматические задачи. Во-первых, контролировать военную активность по всему периметру границы с бывшим СССР. Механизмы снижения военной активности на приграничных территориях предполагают, в том числе, и регулярные взаимные инспекции. КНР при этом беспокоит не столько микроскопический военный потенциал центральноазиатских государств, сколько возможности России. Не случайно первую свою инспекцию в рамках этих соглашений китайская сторона провела в Приморском крае¹⁷.

Во-вторых, через участие в форуме Китай пытается оградить себя от иностранного вмешательства в проблему "уйгурского сепаратизма". Не случайно все документы шанхайского форума насыщены заявлениями о недопустимости вмешательства во внутренние дела других государств под предлогами защиты "гуманитарных ценностей" и "прав человека". Этими расплывчатыми формулировками Китай, с одной стороны, выводит себя из под международной критики за жесткое подавление сепаратистов и террористов в Синьцзянь-Уйгурском автономном округе, с другой, - подталкивает соседние страны к принятию мер против уйгурских организаций.

Не исключено, что Китай попытается использовать шанхайский форум для того, чтобы закрыть Центральную Азию от активного присутствия Запада. Сам он к серьезному экономическому освоению этого региона в настоящее время не готов, поэтому стратегия запираания Центральной Азии выглядит для него вполне прагматично. В долгосрочной перспективе Китай, по-видимому, не исключает возможности закрепить экономическую привязку Центральной Азии, в первую очередь Казахстана и Кыргызстана, к своим западным регионам, раз-

витию которых он уделяет первоочередное внимание. На Душанбинском саммите шанхайского форума (2000 г.) центрально-азиатские страны и Россия были официально приглашены принять участие в развитии китайских западных провинций¹⁸.

На поверхностный взгляд российские интересы в регионе почти полностью симметричны китайским. Так, и Россия со своей стороны крайне заинтересована в максимальной транспарентности в диалоге по военным вопросам с Китаем. Однако этим симметричность российских и китайских интересов и исчерпывается.

В отличие от потенциального внешнего "уйгурского сепаратизма", вектор исламского терроризма из Афганистана мощно и почти эксклюзивно нацелен на Россию и ее центрально-азиатских партнеров. Это не потенциальная, а вполне реальная актуальная угроза. Понятно, что декларативный, за рамками согласованных мер по военному доверию в приграничных районах, шанхайский форум не дает России и центральноазиатским государствам каких-либо дополнительных козырей в противостоянии с исламским терроризмом.

Не стоит серьезно рассчитывать и на то, что Китай использует свое влияние в Пакистане с тем, чтобы ослабить давление исламского терроризма на Центральную Азию и Россию. Пакистан давний и проверенный союзник Китая. Причем союзник настолько близкий, что получает все самое современное китайское вооружение вплоть до баллистических ракет и новейших ракетных технологий¹⁹.

В предстоящие десятилетия быстро растущее и нищающее население Пакистана и Афганистана будет перманентно генерировать требующие внешнего выхода волны агрессивности и дестабилизации. После агрессии в Афганистане, открытой поддержки в этой стране непущтунских военных формирований, а также многократно продублированных непродуманных угроз в адрес талибов Центральная Азия и стоящая за ней Россия представляют собой естественные мишени для разрядки периодически накапливающегося агрессивного потенциала. В КНР полностью отдают себе отчет в том, что любые попытки вмешаться в этот, частично естественный, а во многом подталкиваемый недалёковидной политикой России и некоторых центральноазиатских стран, ход вещей не только бесполезны, но и чреваты опасностью. Любые шаги, которые могли бы привести к частичной переори-

ентации исламского терроризма в китайском направлении, не в интересах Китая.

Столь же очевидно не совпадают интересы России и Китая в вопросе о ближайшем экономическом будущем Центральной Азии. Китай способен разыграть центральноазиатскую экономическую карту при любом варианте развития событий. Самостоятельно ли, если через несколько десятилетий или ранее потребности Китая в центральноазиатских углеводородах и металлах вырастут настолько, что китайским компаниям придется реализовать заявленные планы по развитию местных природных ресурсов. В кооперации ли с ведущими западными корпорациями, создав с последними совместные схемы по освоению природных ресурсов Центральной Азии, и/или открыв для них свой растущий внутренний рынок. В сотрудничестве ли с Россией, если той в ближайшие одно-два десятилетия удастся выйти на траекторию устойчивого роста.

Как отмечается в одном из глубоких исследований интересов Китая в Каспийском регионе, эта страна заинтересована в налаживании коридоров для экспорта центральноазиатской нефти и газа по всем трем направлениям - российскому, турецкому и иранскому. Китай поддерживает сбалансированные отношения со всеми тремя странами, контролирующими эти маршруты, а в случае необходимости может играть на противоречиях США и России, ослабляя их поочередно²⁰.

России такого исторического времени не отведено. Как ни одна другая мировая держава она объективно заинтересована в быстром экономическом возрождении своих соседей в Центральной Азии и Каспийском регионе. В противном случае афгано-таджикский хаос лишь приблизится к ее границам.

В любом случае КНР проводит по отношению к Центральной Азии очень осторожную политику, избегая излишней вовлеченности в решение региональных проблем.

Сознательно или бессознательно многие наблюдатели склонны серьезно преувеличивать интересы в Центральной Азии США и Запада в целом. В 1997 г. Конгресс США объявил Кавказ и Каспийский регион "зоной жизненно важных американских интересов". Официально цели Вашингтона в этой части мира сформулировал бывший специальный советник Государственного департамента С. Сестанович. Эти цели сводятся главным образом к следующему. Во-первых, укре-

пить независимость и суверенитет новых постсоветских государств через поощрение экономических и политических реформ, направленных на построение рыночной экономики и современной демократии. Во-вторых, снизить здесь вероятность развязывания региональных конфликтов через оказание новым государствам помощи в разрешении имеющихся конфликтных ситуаций мирными средствами. В-третьих, содействовать развитию регионального сотрудничества в области безопасности. Наконец, в-четвертых, способствовать развитию энергетического потенциала региона и строительству транспортных коридоров, связывающих Центральную Азию с развитыми мировыми центрами²¹. Принятый в 1999 г. американским конгрессом акт "Стратегия Шелкового пути" конкретизировал эти цели, определив порядок предоставления официальной экономической помощи государствам Центральной Азии и Кавказа.

При ближайшем рассмотрении ни одна из официально заявленных целей США в регионе не может быть отнесена к сфере жизненно важных американских интересов. В долговременной перспективе американская политика направлена на то, чтобы в Каспийском регионе не появилась новая неподконтрольная Америке "энергетическая кладовая". Это объясняется стремлением, с одной стороны, сохранить традиционное доминирование американских корпораций на одном из важнейших мировых рынках, с другой, - не допустить такой ситуации, когда новый потенциальный источник углеводородов оказался бы под эксклюзивным контролем России, Китая, Японии или любой группы государств без участия США.

Естественно поэтому, что наибольшую активность в Центральной Азии и в Каспийском регионе в целом проявляют американские нефтегазовые компании и некоторые влиятельные лоббистские группировки американского политического истеблишмента.

Нефтегазовые компании преследуют множество корпоративных целей. Во-первых, стремятся получить детальную геологическую информацию об энергетическом потенциале Каспия. Такую информацию главные игроки мирового рынка всегда собирают самостоятельно, не доверяя вторичным источникам и посредникам. К тому же только они и обладают самыми совершенными на данный момент технологиями по сбору и анализу исходных геологических данных.

Во-вторых, компании выстраивают стратегии развития на долгосрочную перспективу. При нынешнем относительном избытке нефтяных запасов, они стремятся закрепить за собой ресурсы добычи, срок разработки которых придет через одно-два десятилетия. Тем более что из-за удручающего социально-экономического положения прикаспийские государства распродают свои ресурсы по низким ценам.

В третьих, умело подогреваемая информационная активность вокруг нового "Персидского залива" позволяет нефтегазовым гигантам, являющимся публичными компаниями, периодически разгонять стоимость своих акций на фондовых рынках. С развитием информационных технологий и повышением уровня информационного развития западных обществ режессирование специальных "информационных поводов" для привлечения инвестиций превратилось в общепринятый метод конкурентной борьбы за ресурсы потенциальных инвесторов. Раскрученный в 1995-1997 гг., во многом виртуальный, "каспийский нефтяной бум", оказал корпорациям в этом смысле неограниченную услугу.

В-четвертых, каспийские ресурсы в средне- и долгосрочной перспективе могут позволить американским компаниям усилить их конкурентные позиции в борьбе за турецкий, европейский, китайский и даже российский энергетические рынки.

В-пятых, даже косвенная угроза конкуренции со стороны новых продуцентов нефти и газа дает американским компаниям преимущества в их сотрудничестве с традиционными партнерами, делая их более сговорчивыми. Так, в начале 2000 г. Саудовская Аравия приняла новый закон об иностранных инвестициях, уравнивший в правах иностранные и местные компании. Одновременно она интенсифицировала переговоры по вступлению во Всемирную торговую организацию²². Конечно, начатая ведущим мировым производителем и экспортером нефти либерализация, следствие, в первую очередь, нарастающих внутренних экономических трудностей. Однако потенциальная конкуренция со стороны каспийских месторождений также подтолкнула саудитов к восстановлению прежнего уровня сотрудничества с американскими компаниями.

Растущая активность западных корпораций в Центральной Азии и Азербайджане подтолкнула и либерализацию иранской экономики. Иран, который, несмотря на все потери последних двух десятилетий,

продолжает оставаться одним из ключевых игроков на мировом энергетическом рынке, приоткрыл свой газовый сектор для иностранного капитала и заявил о готовности предоставить свою территорию для экспорта каспийской нефти и газа.

С учетом этих и сопутствующих факторов неудивительно, что американский интерес к Каспийскому нефтяному бассейну развивается спазматическими циклами. Последний на настоящий момент всплеск интереса объясняется скачком мировых цен на энергоресурсы, а также открытием крупного нефтяного месторождения Кашаган в офшорной шельфовой зоне Казахстана. В периоды высоких нефтяных цен значимость месторождений, находящихся вне зоны ОПЕК, традиционно существенно возрастает.

Другим относительно самостоятельным игроком в каспийской "большой игре" стали укорененные в высшем американском истеблишменте лоббистские группировки, преследующие личные и групповые интересы²³. Богатая история битвы за мировую нефть полна примеров того, как посредники между местными правителями и крупным капиталом делали огромные личные состояния.

К таким лоббистам, например, относятся многочисленные представители семейства Бзжезинских. Сам Збигнев Бзжезинский - бывший госсекретарь США и один из самых ярких антисоветчиков - активно выступает за пресечение экспансионистских инстинктов постсоветского российского империализма и фактическую изоляцию России в пределах постсоветского пространства²⁴. Один из его сыновей является консультантом транснациональных компаний, работающих над проектом экспорта туркменского газа в Турцию и Европу. Другой сын уже много лет консультирует правительство Украины, которой также отведена важная роль в новых энергетических проектах. Среди лоббистов много бывших сотрудников администрации США высшего ранга. Почти все они традиционно связаны с той частью корпоративной Америки, которая обслуживает интересы американского ВПК, и уже только поэтому по инерции продолжают рассматривать Россию в качестве если не угрозы, то вызова интересам США.

Потеряв в постбиполярном мире оправдывавшего его существование мощного противника в лице СССР, разогретый американский ВПК вынужден постоянно искать новые вызовы национальным интересам США. Как чисто бюрократические организации, существующие

за счет бюджетных отчислений, заинтересованы в раздувании потенциальных опасностей и НАТО, и другие многосторонние военные структуры. Понятно, что спарринг-партнером американского ВПК в борьбе за свою часть бюджетных ассигнований выступает российский военно-промышленный комплекс. Нацеленные на глобальную борьбу на всех фронтах военно-идеологические и промышленные структуры пытаются воспроизвести ситуацию противостояния с вероятным противником, в том числе и в Каспийском регионе.

Возможности разнообразных лоббистских группировок не следует недооценивать. В то же время рассматривать их частные и групповые интересы в качестве американских национальных интересов было бы большой натяжкой. На уровне реальной политики, а не риторики США скорее заняли осторожную позицию и, как и Китай, избегают излишней вовлеченности в проблемы Центральной Азии. Об этом исчерпывающе говорят масштабы оказываемой центральноазиатским странам американской военно-технической помощи. В 2000 г. эта помощь, например, Кыргызстану составила 1 млн долл., в 2001 г. она возрастет до 4,5 млн долл.²⁵ Узбекистан для контроля границы и экспорта получил 1,8 млн долл. в 2000 г. и в 2001 г. получит еще 2,8 млн долл.²⁶ Военно-техническая помощь Казахстану в 2001 г. составит 3,8 млн долл.²⁷

15.3. Региональный срез "большой игры"

Если среди приоритетов ведущих мировых держав Центральная Азия не фигурирует, то некоторые региональные игроки, напротив, ведут здесь активную игру. Среди них особо выделяется Пакистан, и не только потому, что эта страна стоит за движением Талибан. Это государство, возникшее в 1947 г. при разделе Британской Индии, стремится использовать сложившуюся после распада СССР ситуацию на постсоветском пространстве для того, чтобы заявить о себе как о растущей региональной силе. Надо сказать, что Пакистану это удалось лучше, чем Ирану или Турции.

Пакистан наращивает свои позиции в регионе через активную вовлеченность в политические процессы в Афганистане. Поддерживаемое пакистанскими властями Движение Талибан в 1996 г. захватило столицу Афганистана Кабул, а затем в течение четырех лет устано-

вило контроль над около 90% территории страны. К концу 2000 г. режим талибов был официально признан лишь тремя государствами - Саудовской Аравией, Пакистаном и Объединенными Арабскими Эмиратами. Однако, по мнению большинства наблюдателей, окончательное закрепление власти талибов, представляющих основной афганский этнос - пуштунов, - вопрос ближайших нескольких лет.

Для Пакистана Центральная Азия привлекательна в нескольких аспектах. При условии стабилизации власти талибов в Афганистане Пакистан рассчитывает на прямой выход на регион. Интересуют его не столько местные микроскопические рынки, сколько перспективные возможности реализовать проект доставки туркменского (а, возможно, и узбекского) природного газа на рынки АТР. Участие в газовом транзите, как и в глобальном проекте по возрождению в новых условиях Великого шелкового пути, придаст мощный импульс экономическому развитию Пакистана. В этом заинтересован и местный частный сектор, рассчитывающий на участие в многочисленных экономических и инфраструктурных проектах, и военно-бюрократическая верхушка, желающая получить ресурсы для усиления контроля над внутривластными процессами.

Дело в том, что и антиколониальная, и, хотя и в меньшей степени, антииндийская, идеи, которые определяли динамику политического развития Пакистана, давно утратили свою мобилизующую роль. Длительная на протяжении более двух десятилетий вовлеченность в афганские процессы серьезно модифицировала политико-экономическую структуру пакистанского общества. Мощный приток наркодолларов фактически подорвал традиционную дихотомичную организацию политической власти, когда военные периодически сменяли гражданские администрации. И бюрократия, и армия оказались разрезаны легкими наркодолларами. Отчетливые признаки нарастания хаотизации проявляются и в толще общества. Значительная часть населения вовлечена в наркобизнес. Достаточно сказать, что число наркомагнатов в Пакистане оценивается примерно в 3 млн чел.²⁸ Сохраняющиеся высокие темпы демографического роста и растущее давление на землю на фоне вялой экономической динамики эвентуально ведут страну в тупик. В подобной ситуации правящим кругам кажется, что активная внешняя политика поможет переломить ситуацию. Армия же на-

дается получить дополнительные ресурсы и мотивацию для наращивания военного, в том числе ядерного потенциала.

Экономическое оживление - если таковое состоится - и масштабные поставки центральноазиатских энергоресурсов на мировые рынки отвечают и интересам действующей в этом регионе мира наркомафии. Экспорт энергоносителей и развитие сопутствующей инфраструктуры создадут самые благоприятные условия для легализации наркодолларов.

При определенных обстоятельствах объединенные в движение Талибан этнические пуштуны могут привести к росту напряженности и дестабилизации в самом Пакистане. Численность этнических пуштунов в Пакистане оценивается в 11-12 млн чел., в то время как в Афганистане их насчитывается всего 7-8 млн чел. Организованные по этническому и племенному признаку пуштуны могут быть легко мобилизованы политически. Пуштунская карта может быть разыграна армией, секретными службами, религиозными кругами и партиями²⁹. Поэтому даже в случае провала идеи транспортировки туркменского газа к побережью Индийского океана через Афганистан, периодическое разряжение конфликтного потенциала, порождаемого быстрым демографическим ростом и прогрессирующим расширением зон бедности, нищеты и наркомании в направлении Центральной Азии вполне устраивает пакистанский истеблишмент.

В табл. 1 представлена прогнозная динамика численности населения России, стран Центральной Азии и сопредельных государств. Согласно международным прогнозам к 2030 г. население России сократится до 132 млн чел. Оно будет сокращаться и дальше и к 2050 г. составит всего 94 млн чел.³⁰

Сокращение населения России будет проходить на фоне бурной демографической динамики в Центральной Азии и близлежащих странах. Если в 1997 г. совокупное население центрально-азиатской пятерки составляло всего 37% от российского уровня, то к 2015 г. этот показатель возрастет до 48%, а к 2030 г. - до 60%. Пакистан по численности населения превзойдет Россию уже в самом начале XXI в., а в 2030 г. его население будет почти вдвое больше российского. Заметно подтянутся к российскому показателю численность населения Ирана, и Турции.

Таблица 1

Динамика численности населения в России, Центральной Азии и сопредельных странах, млн чел. *

	Все население		Население в возрасте 15-64 лет	
	1997	2030	1997	2010
Казахстан	15,8	18	10	11,1
Кыргызстан	4,6	7	3	4,0
Таджикистан	6,0	10	3	4,4
Туркменистан**	4,7	7	3	4,2
Узбекистан	23,7	37	13	18,4
5 стран	54,8	79	32	42,1
Россия	147,3	132	100	103
Афганистан	25,8	...	...	...
Иран	60,9	96	35	51
Пакистан	128,5	244	69	104
Турция	63,7	90	41	51

* - 1997 г. - фактические данные, 2010 г и 2030 г. - прогноз.

** - численность населения Туркменистана завышена в сравнении с реальными показателями (см гл 2).

Составлено и подсчитано по: World Development Report 1999/2000 P 272; World Development Indicators, 1999. P. 42-44, 46-48, 50-52.

Еще быстрее центральноазиатские и сопредельные государства будут сокращать отрыв России по численности населения в трудоспособном возрасте. В 1997 г. по численности населения в возрасте 15-64 лет Россия превосходила Центральную Азию в три с лишним раза, но уже к 2010 г. этот разрыв сократится до 2,5 раза. Пакистан по этому показателю превзойдет Россию в 2010 г. и в дальнейшем будут только наращивать преимущество в свою пользу.

Естественно, что население в работоспособном возрасте наиболее активно и политически. С учетом быстрого старения населения, которое ожидается в России с 2010 г., соотношение работоспособных страт российского и центральноазиатского населения будет еще больше сминуто в пользу последних.

15.4. Периферийная геополитика или прагматичная дистанцированность

С учетом превалирующих на данный момент тенденций, наиболее вероятным геополитическим сценарием для Центральной Азии является инерционный. В случае его реализации весь регион или подавляющая его часть останется под определяющим военно-политическим влиянием России, которая возьмет на себя задачу обеспечения военно-политической безопасности центральноазиатских стран от внешних и внутренних угроз. Экономические дивиденды России в случае реализации этого сценария окажутся мизерными, во всяком случае несопоставимыми с расходами на поддержание региональной безопасности.

Еще опаснее то, что, если и далее Россия будет втягиваться в локальные войны и конфликты по периметру своих границ, она окончательно разрушит механизм воспроизводства населения. Стоит ли говорить, что в случае глубокой вовлеченности в региональные конфликты попытки построения рыночной экономики и демократического общества в России будут сорваны. Мы разделяем позицию С. Багдасарова, считающего, что "если Россия будет втянута в долгосрочную войну в Средней Азии и будет там бороться с так называемым политическим фундаментализмом, то она окажется отброшена на десятилетия назад и от такого удара уже не оправится"³¹. Не следует сбрасывать со счетов и морально-этические соображения. Как справедливо подчеркивал еще в 1994 г. в своем выступлении в Государственной Думе А.И. Солженицын: "нелепо, бессмысленно и преступно ронять российскую кровь между Таджикистаном и Афганистаном"³².

Даже если региону удастся избежать открытой, или "горячей войны" с внешним противником, Россия, учитывая жестко заданный вектор эволюции нынешних правящих центральноазиатских режимов, эвентуально окажется перед необходимостью взять на себя функции регионального жандарма. По мнению бывшего премьер-министра Казахстана А. Кажегельдина, эти режимы пытаются использовать Россию для подавления растущего социального протеста населения, доведенного до крайней степени нищеты. Единственная разумная альтернатива этому курсу - целенаправленное давление на сегодняшних центральноазиатских лидеров с требованием шагов по либерализации

политической системы и более полного учета интересов различных социальных групп, включая наименее защищенные слои общества³³.

С учетом демографического и экономического прогноза, можно уверенно утверждать, что в ближайшие десятилетия внутренняя нестабильность в Центральной Азии будет только нарастать. Во всех пяти странах произошла резкая дуализация социальной структуры. Через приватизацию (формальную, как в Казахстане или Кыргызстане, так и неформальную - как в Таджикистане) или ужесточение бюрократически-чиновничьего контроля над финансовыми потоками (как в Узбекистане и Туркменистане) немногие прибыльные и эффективные участки экономической активности оказались сконцентрированными в руках 1-2% населения. Еще 5-7% занято в сравнительно благополучном экспортном секторе. Однако более 90% населения обречены на прозябание. Ожидать, что при этом оно окажет правящим режимам поддержку в случае опасности, не приходится.

Притом что внешнее демографическое, идеологическое и военное давление на Центральную Азию со стороны близлежащих государств будет в перспективе лишь усиливаться, единственным ресурсом, на который центральноазиатским режимам остается надеяться является помощь со стороны России. Даже дистанцировавшийся от России в военном плане Узбекистан осознает, что в случае развертывания серьезного регионального конфликта, он не может надеяться ни на НАТО, ни тем более на США. Договор же с Россией о сотрудничестве в военной области в принципе позволяет рассчитывать на российскую военную поддержку.

При этом у самой России нет ни экономических или финансовых ресурсов для стимулирования экономического прорыва в регионе, ни людских ресурсов для ведения затяжных локальных конфликтов и войн. К тому же Россия и центральноазиатские страны демонстрируют различное понимание способов борьбы с внешними угрозами. Особенно выпукло эти различия проявляются по отношению к движению Талибан.

Зарезервировав за собой экономически расточительную и демографически губительную роль военно-политического жандарма в регионе, Россия вынуждена будет открыть Центральную Азию для экономического освоения иностранным, преимущественно западным, капиталом. Фактически близкий сценарий уже несколько лет реализует-

ся в Казахстане, значительная часть нефтяных ресурсов которого контролируется западным капиталом, а экспорт этих ресурсов осуществляется через российскую территорию.

Трудно не согласиться с выводом Д. Мальшевой о том, что "объективно Запад заинтересован в том, чтобы Россия глубже втягивалась в неблагодарную, трудоемкую, мало предсказуемую работу по поддержанию... приемлемого уровня стабильности" в Центральной Азии³⁴. Более того, если исключить Казахстан и, возможно, Туркменистан, иностранный капитал вряд ли вообще придет в Центральную Азию в сколько-нибудь существенных масштабах, так как здесь отсутствуют сферы для его прибыльного приложения.

За определенным исключением Казахстана, Центральная Азия не вызывает заметного интереса мировых держав. И США, и Китай уделяют внимание региону лишь постольку, поскольку он фигурирует в русле их более широко сформулированных целей и задач. Это позволяет говорить о маргинальности Центральной Азии в глобальном геополитическом раскладе. Сравнительно же более вовлеченная в центральноазиатские процессы Россия в действительности обеспечивает реализацию интересов глобальных центров силы, что позволяет говорить о вторичности российского геополитического проекта в регионе.

Сами центральноазиатские государства устраивает любой вариант расклада внешних интересов, если только он гарантирует им безопасность. Как откровенно отмечала казахская печать еще в 1997 г., регион вполне устроит "нечто двуликое по принципу "одна страна - две военно-политические организации"³⁵. Ранее подобный подход практиковался, правда с экономическими целями, Движением неприсоединения, которое удачно приспособилось к биполярной структуре мира и успешно паразитировало на ресурсах, получаемых от обеих мировых социально-экономических систем.

Как и во второй половине XIX в. активизация усилий России по обеспечению безопасности в Центральной Азии в первую очередь отвечает интересам ведущих развитых стран. Последние, если и озабочены чем-либо в этом беспокойном регионе, так это только своими экономическими интересами.

В этом контексте весьма показательны высказывания координатора комитета по Восточной Европе и России в НАТО А. Страуса, который, буквально воспроизводя бисмарковскую и горчаковскую логику

ку, отмечал, что "после взрывного развития радикального ислама и терроризма в Центральной Азии в Америке наконец-то стали понимать, что поддержка российского влияния в этом регионе в ее, Америки интересах. У этого понимания есть объективные причины: в течение веков Россия выполняла в Центральной Азии функцию носителя цивилизации и "европейских ценностей"³⁶.

Показательно, что Запад спокойно реагирует на наращивание военного сотрудничества России с центральноазиатскими странами. При этом генеральный секретарь НАТО подчеркивает, что "страны бывшего СССР сегодня суверенны и независимы. Поэтому они сами должны определить свои внешнеполитические ориентиры. У Запада и НАТО в этом районе также существуют свои интересы. В любом случае мы не намерены окружать Россию, представляя для нее какую-либо опасность"³⁷.

Показательна и готовность США уступить или, по крайней мере, разделить с Россией бремя главного борца с "исламским терроризмом". Об этом, в частности, свидетельствуют попытки координации действий по нейтрализации угроз, исходящих с территории Афганистана в рамках созданной в июне 2000 г. специальной американо-российской рабочей группы³⁸. В декабре 2000 г. под нажимом Вашингтона и Москвы Совет безопасности ООН принял резолюцию № 1333, вводящую эмбарго на поставки оружия талибам³⁹. Даже Генеральный секретарь ООН не поддержал резолюцию, направленную против одной из враждующих в Афганистане сторон, что в принципе обесценивает все усилия по выводу этой страны из многолетнего тупика, высказался.

Следует иметь в виду, что негативные экономические и политические издержки блокады талибов для самих США минимальны. Как справедливо подчеркивается в работах серьезных аналитиков, афганская проблематика абсолютно не затрагивает стратегические интересы США и является для них проблематикой второго уровня⁴⁰. Те же соображения справедливы и для Китая, который тем не менее не поддержал введение односторонних санкций против движения Талибан⁴¹.

Иное дело Россия. Если экономический ущерб от международной экономической блокады талибов стремится для нее к нулю, то политические издержки этого несоизмеримо выше. Для России скорейшее умиротворение Афганистана необходимо как пролог к стабилизации ситуации в Таджикистане и во всем Центральноазиатском регио-

не. Втягивание в практическую реализацию идеи форпоста Западной Европы и/или Запада в целом в борьбе с агрессивным исламским терроризмом является для России очередной исторической ловушкой. Такая политика на деле усугубит самоизоляцию России от цивилизованной части мира.

Понятно, что практически реализовать идею передового заградительного отряда в борьбе с "агрессивным исламом" можно лишь на пути военно-мобилизационной экономики и тотальной милитаризации общества. Даже опуская проблему отношения к такому курсу нескольких миллионов российских мусульман⁴², численность которых, кстати, растет опережающими темпами, очевидно, что, встав на мобилизационный путь развития, Россия выберет медленный суицид. Такой выбор может быть навязан России, однако, даже при всемерном напряжении сил, поддерживать мобилизационную парадигму будет невозможно в силу чисто демографических причин. Мобилизационный вариант развития стремительно ускорит депопуляцию и приблизит демографическую катастрофу.

Россия не располагает достаточными внутренними ресурсами для проведения активной политики в реально складывающемся центральноазиатском контексте. Максимум, на что она оказалась способна в 90-е г. в Таджикистане, задействовав при этом немалые экономические, военные и политические ресурсы, это стабилизация режима "рассеянной наркократии". С вынужденного согласия официальных властных структур эта страна была поделена на сферы влияния вовлеченных в наркобизнес полевыми командирами⁴³. Формально признавая власть официального Душанбе, наркобароны активизировали интеграцию таджикской экономики в глобальные наркосети. В силу имманентных характеристик подобные политико-экономические режимы постоянно нацелены на воспроизводство конфликта.

Вмешавшись во внутренний конфликт на стороне одной из противоборствующих сторон, Россия не только не смогла помочь установить в Таджикистане современный политический режим - для этого здесь просто отсутствуют необходимые предпосылки - но и создала угрозы как для региональной, так и собственной безопасности. Инкорпорация в формальные таджикские структуры практически всех ключевых криминальных авторитетов, независимо от заявленных теми политико-идеологических предпочтений, временно сняла угрозу мас-

штабного внутреннего конфликта. Вернее, опустила ее до уровня периодических личных и групповых разборок между конкурирующими группами и кланами, ведущими непрерывную борьбу за увеличение своей доли в криминальном и легальном бизнесе. Поддерживать такой внутренний сюрпляс длительное время возможно лишь в случае наличия реального или виртуального внешнего врага. В этом смысле экспансия терроризма из Таджикистана на территории соседних Кыргызстана и Узбекистана не случайное явление. Выброс внутренних противоречий вовне не только позволяет отдельным таджикским группировкам решать корпоративные задачи по налаживанию новых путей наркотранзита, но и способствует поддержанию стабильной нестабильности политической системы страны в целом.

Одновременно резко возрос наркопоток в Россию. По сообщениям российской печати, в наркобизнес оказались вовлечены и пограничники, и военнослужащие из контингента миротворческих сил⁴⁴. Таджики сумели вытеснить с рынка наркотиков все другие этнические группировки, кроме чеченцев, и наращивают поставки в Россию⁴⁵. При этом уже в начале года количество наркоманов в Российской Федерации оценивалось в 4 млн чел., что составляло около 3% населения страны⁴⁶.

Стратегически же активная вовлеченность Таджикистана (либо России через Таджикистан) во внутриафганский конфликт на стороне одной из противоборствующих сторон превращает ее в постоянную цель "исламского фундаментализма". Сам Таджикистан, помимо всего прочего, не имеет шансов обрести стабильность и приступить к развитию экономики.

Российская политика в Центральной Азии должна исходить из национальных интересов, а не идеологических мифологем и корпоративных интересов. Учитывая все приведенные выше соображения, интересам России отвечала бы минимизация участия в конфликтах вне ее собственной территории. Главный вызов для российской политики на южном направлении заключается в создании барьеров на пути нарастающего вала наркотиков. Прогрессирующая депопуляция и стремительное ухудшение качественных характеристик российского населения представляют собой основную национальную проблему, так как ставят под вопрос само существование страны.

В силу скудости экономических, военных и людских ресурсов России стоит ограничить свою активность в Центральноазиатском ре-

гионе двумя задачами. Во-первых, созданием или участием в создании условий для запуска в регионе устойчивого экономического роста. Во-вторых, продажами, либо поставками на бартерной основе, центральноазиатским странам оружия и военной техники.

Без выхода на траекторию режима устойчивого роста, опирающегося на широкую социальную базу, поддерживать даже относительную стабильность в Центральной Азии не представляется возможным. При нехватке внутренних ресурсов единственным возможным источником для запуска экономического роста остаются внешние, поэтому интересам России объективно отвечал бы массовый приход в регион иностранного капитала. При этом участие в поддержании региональной стабильности должно прямо пропорционально соответствовать извлекаемым экономическим дивидендам.

Примечания

¹ Касенов У. Центральная Азия накануне XXI века: «вторая большая игра»? // Панорама. № 10. 14 марта 1997. С. 6.

² Reissner J. Islam and Development in Central Asia: Accounts of German Scholars and Travellers of the 19th Century. P. 542, 547.

³ Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азией, 40-60-е годы XIX века. С. 50-69; Matley I.M. Industrialization. P. 310.

⁴ Рожкова М.К. Экономические связи. С. 50-69; Prince Lobanov-Rostovsky A. Russia and Asia. P. 150.

⁵ Petzholdt A. Umschau im Russischen Turkestan (im Jahre 1871). P. 377-383.

⁶ Prince Lobanov-Rostovsky A. Russia and Asia. P. 148.

⁷ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 300-302, 346.

⁸ См.: Каганович А. Некоторые проблемы царской колонизации Туркестана. С. 120.

⁹ См.: Совет министров Российской Империи. 1905-1906 гг. С. 403-406.

¹⁰ Там же. С. 405.

¹¹ О близости Казахстана России по основным экономическим, социальным и демографическим индикаторам см.: Резникова О. Модернизация России и взаимодействие в СНГ.

¹² Таксубаев А.И. Россия и Центральная Азия // Международная жизнь. № 3. 1999. С. 95.

¹³ См.: Шерматова С. Сеанс разоблачений // Московские новости. № 34. 29 августа—4 сентября 2000. С. 5. Строго говоря, замечания С. Шерматовой касаются лишь политики в Таджикистане.

¹⁴ Пионтковский А., Цыгичко В. Дырявый ядерный зонтик // Сегодня. 31 мая 2000. С. 4.

- ¹⁵Багдасаров С. Чтобы выиграть в афганскую рулетку, ставки надо делать по всему полю // *Сегодня*. 5 июня 1997. С. 4.
- ¹⁶Малашенко А. Центральная Азия и Россия. С. 81.
- ¹⁷Савенков Ю. Зачем нам "шанхайская пятерка" // *Известия*. 4 июля 2000. С. 4.
- ¹⁸Выступление Цзян Цзэминя на встрече "шанхайской пятерки" // *Коммерсантъ*. 7 июля 2000. С. 8.
- ¹⁹Скосырев В. Баллистическая ракета для мусульман // *Известия*. 16 сентября 1999. С. 4.
- ²⁰Хи Х. The Oil and Gas Links between Central Asia and China: a Geopolitical Perspective. P. 48-52.
- ²¹US Policy toward the Caucasus and Central Asia. Statement by Ambassador at-Large and Special Advisor to Secretary of State Stephen Sestanovich at the House of Representatives International Relations Committee. 30 April 1998.
- ²²Саудовская Аравия открывает двери // *Ведомости*. 5 июня 2000. С. А4.
- ²³На это обстоятельство прозрачно намекает издаваемый ОПЕК журнал *OPEC Review*. См.: von Hirschhausen C, Engerer H. Energy in the Caspian Region in the late 1990s: the End of the Boom. P. 287-288.
- ²⁴См., например: Brzezinski Z. The Premature Partnership.
- ²⁵Независимая газета. 9 декабря 2000. С. 5.
- ²⁶Черногаев Ю. Америка поддерживает среднеазиатскую демократию оружием // *Коммерсантъ*. 25 апреля 2001. С. 4.
- ²⁷Голубев М. Посланник США прощается с Казахстаном // *Коммерсантъ*. 6 декабря 2000. С. 11.
- ²⁸Дубнов А. Партнеры на все сто // *Время новостей*. 18 сентября 2000. С. 6.
- ²⁹Garfinkle A. Afghanistanding. P. 411-413.
- ³⁰Беккер А. Рай для 94 млн человек // *Ведомости*. 20 сентября 2000. С. А1.
- ³¹Багдасаров С. Угрожает ли исламский фундаментализм России? // *Сегодня*. 1 ноября 1996. С. 9.
- ³²Александр Солженицын: "Наша высшая цель - это сбережение нашего народа". Выступление в Государственной Думе // *Комсомольская правда*. 1 ноября 1994. С. 2.
- ³³Кажегельдин А. Ставка, больше чем нефть // *Время MN*. 18 октября 1999. Сб.
- ³⁴Мальшева Д.Б. Центральная Азия между Россией, Западом и мусульманским миром. С. 223.
- ³⁵Кенесов Б. Зачем приезжал г-н Солана? // *Деловая неделя*. № 11. 21 марта 1997. С. 13.
- ³⁶Страус А. Какой "треугольник" нужен России? // *Московские новости*. № 39. 3-9 октября 2000. С. 5.
- ³⁷Шумилин А. Путин отвечает Клинтону "асимметрично" // *Эксперт*. № 26. 10 июля 2000. С. 50.
- ³⁸Тыссовский Ю. Талибы меж двух огней // *Век*. № 32. 11-17 августа 2000. С. 4.
- ³⁹Голотюк Ю. Талибов отрезали от тылов // *Время новостей*. 21 декабря 2000. С. 6.
- ⁴⁰Garfinkle F. Afghanistanding. P. 410-411.

⁴¹Скосырев В. Москва и Вашингтон в одной лодке, Пекин - в другой // Время MN. 21 декабря 2000. С. 1.

⁴²Согласно приводимым А. Малашенко данным численность российских мусульман оценивается в пределах 11 -22 млн. чел. Это составляет 8-15% совокупного населения Российской Федерации. См.: Малашенко А. Исламское возрождение в современной России. С. 7.

⁴³Подробное описание структуры реальной власти в Таджикистане см. в: Шерматова С. Друзья и враги Рахмонова // Московские новости. № 36. 12-18 сентября 2000. С.11; Пархоменко А. Кто стоит за войной в Азии? // Новая газета. № 41. 24-27 августа 2000. С. 7; Джангир С. Президенты против наркобаронов // Коммерсантъ. 22 августа 2000. С. 8; Атавулло Д. "Следующим партнером России в Душанбе будет наркобарон" // Коммерсантъ. 12 августа 2000. С. 3.

⁴⁴Гафарлы М. Почему так важна борьба с исламским экстремизмом // Независимая газета. 13 октября 2000. С. 5.

⁴⁵Известия. 11 марта 1999. С. 3.

⁴⁶Соколов Б. Закон не запрещает сходить с ума//Век. № 11. 19-25 марта 1999. С. 10.